

мир новых стремлений, врывающихся в стоячее болото. Вы видите с поразительной ясностью трех главных действующих лиц, освещенных на мгновение автором; а в неясных очертаниях картины, служащей фоном для ярко освещенной группы, — очертаниях, о которых вы скорее догадываетесь, чем видите их, — вы открываете целый мир сложных человеческих отношений как в настоящем, так и в будущем. Нарушите определенную ясность освещенных фигур или дайте более резкие очертания фону — и картина будет испорчена.

Таковы почти все рассказы Чехова. Даже когда они занимают 50—60 страниц, они имеют тот же характер.

Чехов написал несколько рассказов из крестьянской жизни. Но они неудачны. Крестьяне и вообще деревенская жизнь не были его настоящей средой. Его область — мир «интеллигентов», образованной и полуобразованной части русского общества, — и этот мир он знает в совершенстве. Он указывает на банкротство этой «интеллигенции», на ее неспособность разрешить выпавшие на ее долю великие исторические задачи мирового обновления и на пошлость и вульгарность обыденной жизни, под гнетом которой увядает большинство этой «интеллигенции». Со времен Гоголя еще ни один русский писатель не изображал с такой поразительной верностью человеческой пошлости во всех ее разнообразных проявлениях. Но какая вместе с тем разница между этими двумя писателями? Гоголь изображал главным образом внешнюю пошлость, бросающуюся в глаза и нередко переходящую в фарс, которая вследствие этого в большинстве случаев вызывает улыбку или смех. Но смех всегда — уже шаг к примирению. Чехов также в своих ранних произведениях заставляет читателя смеяться, но по мере того как уходит молодость и он начинает смотреть более серьезно на жизнь, смех исчезает, и, хотя остается тонкий юмор, вы чувствуете, однако, что те виды пошлости и филистерства, которые он теперь изображает, вызывают в самом авторе не смех, а душевную боль. «Чеховская печаль» так же характерна для его произведений, как глубокая складка посреди лба на его добром лице, освещенном живыми задумчивыми глазами. Более того, пошлость, изображаемая Чеховым, глубже той, которую знал Гоголь. В глубинах души современного образованного человека происходят более глубокие столкновения, о которых Гоголь, семьдесят лет тому назад, ничего не знал. «Печаль» Чехова — более впечатлительного и утонченного характера, чем «незримые слезы» гоголевской сатиры.

Чехов лучше всех русских беллетристов понимал основной порок этой массы русских интеллигентов, которые прекрасно видят мрачные стороны русской жизни, но у которых не хватает силы воли и самоотвержения, чтобы присоединиться к кучке молодежи, осмеливающейся деятельно бороться со злом. В этом отношении наряду с Чеховым можно поставить лишь одного писателя, и этот писатель — женщина, Хвощинская («Крестовский — псевдоним»). Чехов знал — более того, он чувствовал каждым первым своей поэтической натуры, — что, за исключением кучки более сильных мужчин и женщин, истинным проклятием русского интеллигента является слабование, отсутствие сильных, страстных стремлений. Может быть, он даже сознавал, что сам причастен этому греху. И когда его однажды в письме спросили (в 1894 году), к чему должен стремиться русский человек в данный момент, он написал: «Вот мой ответ: стремиться! он должен больше всего стремиться — приобрести силу характера. Нам достаточно надоела эта хнычущая бесформенность!»

Именно это отсутствие мощных стремлений и слабование Чехов постоянно и неутомимо изображал в лице своих героев. Но эта склонность к изображению подобных характеров вовсе не была случайностью, объясняемой лишь темпераментом самого писателя. Она являлась непосредственным продуктом эпохи, во время которой жил писатель.

Чехову, как мы видели, было девятнадцать лет в 1879 году, когда он начал свою литературную карьеру. Таким образом, он принадлежит к тому поколению, которому пришлось провести лучшие свои годы в такой обстановке, под гнетом такой реакции, которая превосходила все, что пришлось перенести России за последние пятьдесят лет. После трагической смерти Александра II, с восшествием на престол Александра III, целая эпоха — эпоха прогрессивного труда и ярких надежд — отошла в область предания. Все возвышенные усилия того молодого поколения, которое вступило на политическую арену в семидесятых годах и девизом которого было слияние с народом, были разбиты, и жертвы этого движения сидели по крепостям и тюрьмам или были рассеяны по глухим закоулкам Сибири. Более того, все великие реформы, включая уничтожение крепостного права, которые были осуществлены в пятидесятых годах поколением Герцена, Тургенева и Чернышевского, третиrowались теперь, как ошибки, реакционерами, сгруппировавшимися вокруг Александра III. Никогда западноевропейцу не понять глубины отчаяния и безнадежной скорби, которые охватили образованную часть русского общества в течение следующих десяти или двенадцати лет, когда общество пришло к заключению, что